

Благодарю за помощь:

Дмитрия Белоусова, Сергея Павлова, он же «Мозг», Бахадыра Мансурова, Станислава Сергеева — моего первого учителя в написании книг, *Олега Волынца, Сергея Симонова, Александра Калмыкова, Константина Богачева, Константина Коллонтаева, Михаила Новикова* — с форума Самиздат, читателей Самиздата под никами *Библиотекарь, омикрон, Old_Kaa, strangeserg, General1812, Тунгус, chuk01* и других — без советов которых, очень может быть, не было бы книги.

И конечно же *Бориса Александровича Царегородцева*, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Также благодарю и посвящаю эту книгу своей любимой жене *Татьяне Аполлоновне* (в девичестве Курлевой) и дочери *Наташе*, которые не только терпимо относятся к моему занятию — но и приняли самое активное участие в создании образов Ани и Люции.

Лазарев Михаил Петрович
(в 2012 г. — командир АПЛ «Воронеж», СФ РФ)

Белая ночь над Невой — привет из юности моей.

В сравнении с иным временем — по Дворцовому мосту и Стрелке ходит трамвай, ретроавтомобили на улицах (хотя помню, у одного папиного друга была «Победа» в начале двухтысячных и бегала вполне резво) и люди одеты более традиционно (не выношу стиль «унисекс» — что-то похожее на джинсы и тут уже иногда носят, но исключительно мужчины). А атмосфера, общее настроение — как было в годы моей юности. «Засыпает синий Зурбаган» — под эту музыку я, тогда курсант училища Ленкома, танцевал с Ирочкой, студенткой Института культуры. А после бродили мы, взявшись за руки, по этим набережным и мостам — ночь с субботы на воскресенье, когда в казарму не надо, ленинградцам дозволялось ночевать дома — и целовались мы возле Медного всадника, и смотрели на разведенные мосты. После я провожал Ирэн до ее общаги на Черной речке и бежал, счастливый, к себе на Двенадцатую линию Васьки — метро и наземный транспорт еще не ходили, а тратиться на такси для курсанта было расточительством, да и нетрудно было пробежаться, будучи в отличной физической форме и при летней погоде. Был год 1989-й или 1990-й, не помню уже. Мне двадцать лет, и будущее казалось прекрасным — погоны, служба, семья, в великом и могучем СССР. За год или два до катастрофы торжества капитализма.

Туман пронзая, до утра и корабли и катера
Плывут в краю ночном.
Там потерялись мы с тобой,
Бродили над Невой
Всю ночь вдвоем.

Песня из репродуктора — висят здесь эти штуки на столбах, привет еще с двадцатых, «для оповещения населе-

ния в чрезвычайных ситуациях». А еще по ним крутят музыку — в основном бравурные марши во время праздников. Но вот нашелся кто-то умный, приказавший в этот день поставить что-то лирическое, под атмосферу белой ленинградской ночи. Чередуя с военным — потому что день сегодня 22 июня. Год пятьдесят пятый — всего четырнадцать лет прошло. Те, кто живыми остались, — не стары еще, а в самой зрелости, в строю. Наверное, в эту же ночь в сорок первом так же гуляли по этим набережным влюбленные пары — и многие ли вернулись после войны домой? Мы ведь никогда не забудем, что было — и не простим, в отличие от политкорректных французов, соорудивших у себя мемориал всем жертвам Первой мировой, и своим и чужим. Пусть «гитлеры уходят, а немецкий народ остается», и ГДР сейчас наш верный союзник — но нет и не будет в этой истории немецкого воинского кладбища в Ленобласти, под Сологубовкой, недалеко от Синявина и Невского пятачка. Случилось мне там побывать в конце девяностых — на само кладбище мы, офицеры СФ, не пошли, ни времени не было, ни особого желания, но в церковь (и музей при ней) заглянули. Мне запомнилось фото женщины из той деревни, Ульяны Финагиной, «в устрашение» расстрелянной немцами в сорок втором — и рядом текст письма одного из немецких солдат, «прошу прощения за все страшные поступки немецкого народа». Написанного уже после нашей Победы — просил бы этот фриц прощения, если бы мы проиграли? И представляю, что бы здесь сделали с Собчаком — при котором в девяносто восьмом в Красном Селе «в знак примирения и добрососедских отношений» поставили памятный знак погибшим под Ленинградом легионерам Ваффен СС!¹

Как вышло, что я, родившийся в семидесятом, попал в Питер пятьдесят пятого года? О том лучшие (и особо доверенные) научные светила СССР головы ломают — что за катаклизм (природный или по замыслу каких-нибудь зеленых человечков) перебросил атомную подводную лодку СФ «Воронеж» из 2012 года в лето 1942-го. А поскольку мы от Присяги не отрекались и «общечеловеков» среди нас не нашлось — то не было сомнений, чью сторону принять. Очень

¹ Случай реальный!

надеюсь, что, когда придет срок, наш корабль (с трехзначным числом побед на рубке) не разделают на булавки, а поставят на вечную стоянку. Ну а мы, полторы сотни человек из будущего, уже обжились в этом времени, пустили корни. Теперь этот мир — наш. И мы завещаем беречь его — своим детям и внукам.

Мы наступаем по всем направлениям,
Танки, пехота, огонь артиллерии.
Нас убивают, но мы выживаем.
И снова в атаку себя мы бросаем.

К попаданческой литературе, некоторые опусы которой я успел прочесть в той, бесконечно далекой жизни, я отношусь в диапазоне от сдержанного до резко отрицательного. Попал герой-одиночка в невысоком чине (а то и вовсе офисный хомячок) в прошлое — и учит глупых предков, которые слушают его, рот раскрыв. Так во-первых, наши предки, вытянувшие самую страшную войну в истории человечества (если только там Третья мировая не начнется), глупыми не могут быть по определению! А во-вторых, коллектив всегда сильнее одиночки. Довелось мне, и не раз, общаться с самим Сталиным — он вождь, а не бог всезнающий и безошибочный, он всего лишь человек, взваливший на себя неподъемную ношу — вы бы на его месте смогли? Ему пришлось гораздо труднее, чем тому, кто в ином времени сравнит себя с «рабом на галерах» — страна была истерзана Гражданской войной, при реальной опасности капиталистической агрессии (одна лишь Польша тогда имела военный потенциал, сравнимый с РККА, — про Англию и Францию молчу). И совершенно неясно было, куда идти, — мы были первопроходцами, строящими то, что до нас никогда не существовало. Страшно представить, что было бы, возьми контрреволюция верх, — наиболее вероятным исходом было бы превращение нашей страны в подобие Китая, в двадцатые распавшегося на множество «удельных княжеств» генералов-милитаристов, грызущихся между собой. Или если бы мы промедлили с индустриализацией — и Гитлер напал бы на страну бухаринских ситцев и хлеба. Второй раз за этот век (и при жизни одного поколения!) вставал вопрос о самом существовании нашего народа, нашей страны, — и мы сумели выстоять.

И на «капитанском мостике» бессменно был он, Сталин, — а это о чем-то говорит. Читал (в том, бесконечно далеком двадцать первом веке) что под конец жизни он смертельно устал и жаждал покоя — искренне веря, что шторма уже позади. Узнав же, что станет с его Проектом всего через сорок лет после его смерти, он снова ринулся в бой.

Я, уже не восторженный юнец-идеалист, а много чего повидавший циник, оглядываясь на наш путь уже тут, в СССР, думаю (но никому о том не скажу), что могло быть иначе. Мы попали сюда летом сорок второго — и первым нашим делом была бойня, учиненная немецкому Арктическому флоту — в результате чего линкор «Гирниц» отправился на дно, а «Шеер» до сих пор ходит под советским флагом и под именем «Диксон». Затем было освобождение советского Заполярья (и никелевых рудников Печенги), прорыв и снятие Блокады Ленинграда и главное — «Большой Сатурн», когда под раздачу попала не одна армия Паулюса, а две группы армий всего южного фланга немецкого фронта, и наши уже к весне сорок третьего вышли на Днепр — это случилось не в последнюю очередь благодаря информации, которую наши предки здесь получили от нас. Но была еще одна точка поворота — которая могла оказаться смертельно опасной и для нас конкретно, и для СССР.

Поход нашего «Воронежа» в Атлантику весной сорок третьего. Когда целью должны были стать не немецкие корабли. Программой-минимум было, чтобы урановый концентрат из Конго не попал в «Манхэттен» (списанный на атаку неопознанной немецкой лодки), ну а программой-максимум — доставить этот груз (на тот момент составляющий заметную долю мировых запасов урана) на «Второй Арсенал» к Курчатову. Приоритетом, однако, было, что союзники ничего не должны были узнать про нашу роль. Но мы справились, при этом удачно подставив немцев, — и в процессе утонул линкор «Айова» еще с десятков американских лоханок¹. Лично я не испытывал никаких угрызений совести — имея к заклятым союзникам еще больший счет, чем к фрицам. Но отчего Сталин тогда дал «добро» на, по сути, акт войны?

¹ См. «Белая субмарина».

Представляю картину, как если бы в ельцинскую Россию явились бы наши потомки из какого-нибудь двадцать второго века, или дружественные пришельцы с Великого Кольца. И как господа чубайсы, явлинские и гайдары, толкаясь локтями, побежали бы в посольство США, чтоб как можно скорее и дороже продать этот секрет, затем из Вашингтона велели бы «все подобные контакты — под международный контроль», и Боря-козел поспешил бы сдать все на блюдечке, ради общечеловеческих интересов. Сталин не Ельцин, и сталинский СССР не Россия девяностых — однако же тогда шла война за само выживание нашего народа. И ленд-лиз был для нас жизненно необходим — да, в отличие от Российской империи, которая в прошлую Великую войну даже винтовки в значительной доле закупала за золото за границей, в Отечественную войну СССР в целом сам обеспечивал себя вооружением, артиллерия и стрелковка были полностью свои, по танкам и самолетам доля импорта была чуть больше десяти процентов. И нельзя сказать, что союзники слишком разорились на помощь нам — Англия получила из-за океана втрое больше, чем СССР, а по таким позициям, как мясо и шерсть, даже маленькая и бедная Монголия сумела помочь нам больше, чем США. Однако же поставки алюминия, взрывчатки, автотранспорта, телефонного кабеля и еще многих других товаров были нам жизненно необходимы — может, мы и справились бы и без этого, но ценой гораздо большей крови. И если бы встал вопрос ребром — ленд-лиз при условии доступа заклятых друзей к нашей тайне? Какое решение должен был принять Сталин — или как поступили бы вы на его месте?

Моя циничная натура подсказывает варианты — от «международного контроля» (если бы Сталин поставил на долгосрочный союз с США, «ялтинскую систему», как было в реале) до полного отрицалова (если бы вождь оказался сволочью, обеспокоенной лишь собственной властью). Ну а подлодка К-25 была бы удачно сброшена со счетов, пропав без вести в море, — и ничего личного, вы уже сделали свое дело, и больше не нужны. Но Сталин всю свою жизнь вложил в строительство советской державы, подняв ее из пепла к звездам (как он понимал процесс, то вопрос другой), оставив после себя не миллионы в швейцарском банке, а лишь

койку с солдатской шинелью и несколько тысяч книг личной библиотеки с собственноручными карандашными пометками (отрадно, что теперь среди них будут и те, что попали в это время на борту нашего «Воронежа»). И принять то, что случится через тридцать восемь лет после его смерти, он не мог никак.

Это лишь у нас, у русских, есть только два понятия — «война» и «мир». А в английском языке понятий много: «торговая война», «культурная война», «дипломатическая война», «экономическая война» (не путать с торговой, это уже следующая стадия, когда в твои карманы, во внутреннюю политику лезут) и собственно война («war war», так и называется, дословно «военная война», мы переводим как «горячая»). Даже ленд-лиз по большому счету был из той же линии — обмен крови советских людей на американскую прибыль. И целью было не банальное завоевание — невыгодны в двадцатом веке колонии! — а установление своих мировых правил, обязательных для всех, ну и, конечно, себя на место не только первого игрока, но и арбитра — и это будет, по-ихнему, «честная игра». Со ступеньками к новому мировому порядку — Атлантическая хартия, план Маршалла, Бреттон-Вуд. Но с чего вы взяли, что в эту игру можете играть лишь вы одни?

И вы потеряли время в самом начале, «паровозы надо давить, пока они чайники». Но слишком фантастичной выглядела версия «мы из будущего», чтобы сразу принять ее всерьез. И слишком быстро развивалась ситуация — про супер-Сталинград я уже рассказал, а Курской битвы тут не было, потому что в этом варианте истории Советская армия вышла к Днепру уже весной сорок третьего, не было немецкого контрудара под Харьковом, не возник южный фас «огненной дуги», и Днепр мы форсировали летом, уже с исходного рубежа по левому берегу, а не выйдя туда после тяжелых боев. Наши потери были существенно меньше, и значит, быстрее шло накопление боевого опыта, совершенствование умения воевать, — а вот у немцев все наоборот! Зимой сорок четвертого наши вышли на Одер — когда союзники только высадились во Франции. И встреча у нас с ними была не на Эльбе, а западнее Рейна — жалко, что не успели в Париж, вот отчего-то мечтал когда-нибудь съез-

дить, увидеть этот город. Здесь нет разделенной Германии и Западного Берлина — а одна лишь единая ГДР, а заодно и Народная Италия. Лишь через три года вы начали что-то подозревать — довелось мне (уже не в роли командира подлодки) принять участие и в японской войне сорок пятого года, с учетом опыта и послезнания, завершившейся для самураев с еще более разгромным счетом — нет в этом мире двух Корей и в Пекин вошли советские танки. В Токийской бухте при подписании капитуляции Японии на борту линкора «Миссури» (как в той истории) после официальной части ко мне подошли трое — адмиралы Нимиц, Локвуд и с ними еще тот, кого я принял за переводчика — со словами:

— Мистер Лазарев, прошу передать это вашему правительству — можете считать это официальной позицией США. Мы категорически настаиваем, что любые иновременные контакты, если таковые имели место, должны быть достоянием не отдельной страны, а всего мирового сообщества. При всей фантастичности этого предположения, поверьте — мы не намерены шутить. До войны, может быть, и не дойдет — но мы, я имею в виду тех, кто правит Соединенными Штатами, этого никогда не забудем и не простим.

Блефовали американцы — не было тогда у них уверенности, была лишь гипотеза, «одна из возможных». Которую высказал как раз тот неприметный третий, «лучший аналитик Америки», с которым мы еще встретимся не раз. И не то время было, чтобы сразу по завершении мировой войны начинать следующую, с бывшим союзником, этого и их электорат не понял бы. И у СССР были уже развязаны руки, кончилась война, и наши уже не половина, а две трети Европы. И нет у США никакого военного превосходства — даже если не считать шесть боеголовок на борту «Воронежа» по пятьсот килотонн, здесь наши испытали Бомбу уже в сорок пятом, а американцы уже после нас и после завершения войны с Японией, так что «хиросимой» в этой истории стал китайский Сиань в кризис пятидесятого года¹. После которого и началось между СССР и США противостояние с взглядом через прицел — первые годы после Победы был пусть и худой, но мир.

¹ См. «Алеет восток».

Мир, который был лучше того, что в иной истории, — для нашей страны. Не верю я ни в бога ни в черта — но являлась мне во сне, уже не раз, некая личность, сказавшая с мерзкой усмешкой:

— Вы, люди, приписываете мне самые ужасные козни ради умножения зла в этом мире. Когда сами, дай вам волю, устраиваете такой ад на земле, что у меня бы фантазии не хватило. Из-за ваших изменений истории здесь уже погибло людей больше на несколько миллионов, чем там, откуда вы пришли. Дерзайте дальше — а я лишь смотрю и ожидаю с интересом, какой будет финал!

Сгинь, рогатый, нету тебя! Ты лишь плод моего подсознания. Или мне и правда к попу пойти, чтоб тебя изгнал? По существу же — СССР в этой истории потерял на шесть миллионов человек меньше, по самым скромным подсчетам. А что где-то в Африке ад на земле, так это лично мне по барабану. Даже в Китае — попал Мао в Сиани под американскую Бомбу, и сидит сейчас в Пекине верный сталинец товарищ Ван Мин, строя в северной половине Китая (без Маньчжурии, которая по факту часть СССР, и без Синцзяна с Тибетом, которые пока сами по себе) истинный социализм. А что чанкайшистская сволочь пока не желает признать правоту учения Ленина — Сталина, которое истинно, оттого что верно, — так это проблемы Чан Кайши, когда его вешать будут, как бесноватого фюрера в Штутгарте в сорок пятом. Мы здесь гораздо сильнее, чем там, — и я даже представить не могу, как бы чужой президент, премьер, госсекретарь Сталину бы указывал: «Так измените вашу Конституцию, раз она противоречит нашим требованиям», как англичане Ельцину в девяностых. На любой ваш ультиматум ответим, как вождь (в этой истории не умерший в пятьдесят третьем, и я надеюсь, многие ему лета!) во всеуслышание заявил 9 мая этого года — когда после бомбежки Ханоя и морского боя едва до атомной войны не дошло¹. И никакой «перестройки» (в результате которой мы потери понесли больше, чем от Гитлера) вы у нас не дождетесь — назло вам, капиталисты проклятые, будем жить долго и счастливо, жизни радоваться и детей растить в духе идей коммунизма!

¹ См. «Красный бамбук».

Помню я, когда лебеди плыли по канавке, по Лебяжьей,
Помню ветры метельные, злые над Сенатскою однажды...
И замёрзшую Чёрную речку, и мятежный лёд кронштадтский,
И, конечно, школьный вечер, выпускной мой бал.

Песни иных времен (подходящие по содержанию) здесь очень популярны. И эстрада, и барды — хотя имена тех, кто поет их вместо Высокого, Городницкого, Розенбаума, мне ничего не говорят (да и исполнение похуже — или это я к тому привык?). А сами песни правильные. И эти, про Ленинград, — я в Москве жил, на Севере служил, а в Ленинграде родился, ленинградцем и останусь. К названию «Петербург» отношусь исключительно как к историческому, пусть и уважаемому, но оставшемуся в прошлом. Ну а ленинградцам этого времени предложи даже дискуссию о переименовании — не поймут, так как хорошо помнят, что Петербургом этот город немцы называли. В каждый свой приезд вижу — а бываю я тут по службе часто, — как Ленинград растёт и хорошеет, вот интересно, каким он будет в конце двадцатого века этой истории? Метро уже есть, две ветки, от Финляндского вокзала до Автова и от «Горьковской» до Электросилы, строятся и новые станции. Парк Победы уже есть, на Московском проспекте, и новые кварталы панельных пятиэтажек на окраинах (их здесь «кубиками» называют, а не «хрущевками»). Да и не совсем копии «хрущевок» — вот не было в моем времени на крышах теплиц, оранжерей или зимних садов или просто смотровых площадок с ограждением. Зелени много, все те же тополя (которые через полвека начнут рубить — но пока что незаменимы, растут быстро). Автомобили на улицах — не только уже привычные «Москвичи», «Победы», ЗиМы и грузовые ГАЗ-51 и ЗиС-150 (хотя и довоенные «эмки», полуторки и трехтонки встречаются), но и совсем незнакомые мне изделия немецкого, итальянского, чешского автопрома. И народ уже не в шинелях и кирзачах, у кого-то в руках транзисторные радиоприемники вижу (два года уже как в широкой продаже — а такой анахронизм, как регистрацию и разрешение приемников в милиции, здесь отменили еще в пятидесятых). Белые ночи в Ленинграде лучшее время, — вот и захотелось неделю отпуска не на югах провести, а тут, в городе, где я родился пятнадцать лет тому вперед.